

ДАХА
ТАРАТОРИНА

ДУРНАЯ КРОВЬ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Тараторина, Даха.

Т19 Дурная кровь / Даха Тараторина. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-206064-9

Дурной колдунье нечего терять. Родных, друзей и побратимов — всех отогнал от неё проклятый дар.

Так почему бы не распахнуть дверь, когда в неё стучится мужчина с колючим взглядом? Почему бы не согласиться, когда он предлагает пуститься в путь по заснеженному лесу? И, может, тогда вновь научится любить тот, кто думал, что давно уже очерствел сердцем.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206064-9

© Тараторина Д., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

ДУРНАЯ

— Дурна-а-а-а девка, — предупреждала беззубая старуха, принявшая его на ночлег.

Не бесплатно, конечно. Бабка не преминула взять втридорога за постой. А куда ещё пойти по беззвёздной темноте да в метель? Потому Верд не стал спорить. Сдержался, хоть и мог бы переломить жадную каргу на двое, заплатил и молча лёг спать, не спросив про ужин.

Наутро метель не утихла, напротив, принялась завывать свирепее, точно в снегу прятался голодный зверь, впивающийся когтями в бревенчатые стены, царапающийся, просящийся в тепло. Никто не впустил бы его: диким тварям не место среди людей.

Пережить, как и раскошелиться на ещё одну ночь, Верду не хотелось. Достанет и того, что подбитый мехом плащ высох и прогрелся у печи. Для вечного путника это ли не благодать? Унять бы урчащий голодный живот — вовсе счастье.

Пока щербатая гримза сплёвывала шелуху семечек в пригоршню, а свежие сплетни в уши неблагодарного слушателя, мужчина побренчал крышками многочисленных котелков в кухне. К величайшему разочарованию, ни в одном из них не обнаружилось ароматного томлёного мяса. Да и с чего бы? В эдакой глуши его небось только по праздникам и видят, да и то в окно на соседском столе.

— Не обес-с-с-судь, милай! — Старуха поудобнее умостила задом на плотно закрытом и завешенном тряпицей сундуке. — Ты за ночлег платил, об угощении речи не вели. Оголодал — будь добр, ещё монету выложи.

— Перебыюсь. — Гость равнодушно скрестил руки на груди и опёрся плечом о дверной косяк.

Кто другой не рискнул бы ссориться с таким, как он. Немного нужно зоркости, чтобы приметить осанку, какой не встретишь у согбенного вечным огородничеством селянина, выступающие жилы, рисующие на предплечьях узор, схожий с танцем струек крови на лезвии ножа, да и цепкий, колючий взгляд заставлял неуютно поёжиться. Но бабка считала, что пожила уже достаточно, а потому не робела ни перед наёмником, ни перед его ухмылкой, разделённой надвое уродливым шрамом. Она самозабвенно делилась мудростью и думать не думала, что слова стоило бы взвешивать, прежде чем произносить.

— Дурная, — повторила она, — девка того... видно, умом тронулась. Ну и немудрено: с раннего детства одна. Небось родилась четвёртой, так её из дому и погнали, чтобы счастье не отнимала. Живёт особнячком, ни с кем близко не знает. Вон прошлой весной ходил к ней сынок кузнеца. Известно, за чем пошёл: девка-то в летах, незамужняя. Ну паренёк и понёс ей кубышку мёда в подкуп. Так она ту кубышку бедняге на темечко вывернула, опосля едва сняли!

— Легко отделался. — Верд крепко завязал тесёмки плаща под горлом, по привычке проверил, чтоб свободно ходил в ножнах меч, и, прищурившись, спросил: — В какой стороне живёт? Девка эта ваша.

— А тебе к чему, добрый молодец? Дело какое али просто так любопытствуешь?

Старуха спрашивала для вида: и без того всё уразумела. С вечера она не раз выглядывала из-за занавесочки у лежака и рассматривала путника. Углядела, что на деле мужчина куда моложе, чем кажется, но шрамы да нелёгкая доля добавили серебра в волосы, заставили хмуриться и зло, подозрительно озираться. Не остались без внимания и треугольные метки на тыльных сторонах ладоней, хоть гость и снял с них повязки тогда только, когда хозяйка засопела. Однако ж старость лишает крепкого сна. Проснувшись и сходяв до задка в крайний раз, бабка застала, как тускло светятся чёрные линии.

Охотник.

Ясно, зачем дурная девка такому, как он. А им, деревенским, колдунья самим пригодится.

На этот раз Верд не стал терпеливо ждать, пока старуха наговорится. Со вчера он многожды спрашивал, где искать дурную, и всякий раз вместо ответа получал истории о тяжёлой беременности жены старосты, жалобы на жестокую раннюю зиму или заунывные песни.

Размашистым шагом он пересёк комнатушку, приподнял визжащую бабку одной рукой и откинул крышку сундука второй. Внутри ожидаемо обнаружались припрятанные намедни запасы, которые пришлым не полагались.

— Чаго удумал?! Наглец! Вор! Убивец!

Охотник поудобнее перехватил скандалистку, чтобы та кулаками доставала ему разве что до зада, и вознаградил себя за выдержку найденным ржаным хлебом и крынкой простокваши.

После грабежа старуха если бы и указала дорогу, то разве что к такой-то матери. Потому Верд спешно позавтракал под ругательные трели и ушёл. Главное он вызнал: колдунья в деревне действительно есть. Теперь он легко её отыщет.

Ох, как же охотник ошибался! Метки, что привели его в селение, светились и жгли почти постоянно, больше мешая, чем помогая. За день довелось обойти все стоящие поодаль от остальных дома, но без толку. Проклятая девка как сквозь землю провалилась!

А вьюга не затихала. Стоило и без того едва заметному солнцу скрыться, она словно взвыла от одиночества. Снег слепил, заползал за шиворот, пробирался в рукавицы. Тяжёлые сапоги проваливались в наметённые барханы, мужчина увязал по самые колени и с каждым разом всё с большим трудом выбирался.

Метель стонала и пела, убаюкивала. Ей не хотелось проводить очередную ночь в тоскливом отчаянии. Она мечтала о тепле живого тела, она страдала, что некого обнять и укутать, сжать крепко-крепко, пробираясь под плащ, куртку и плотную рубаху к самому сердцу. Она гладила раскрасневшиеся щёки путника, заглядывала в колючие глаза, запускала пальцы в волосы, словно припорошенные пеплом...

Но мужчина упрямо шёл вперёд. Силы его почти иссякли. Так уж нужна ему та колдунья? Вон сколько клиентов предлагали немалые деньги за охрану или сопровождение товара. А уж сколько сулили за тихое убийство — и вспомнить приятно! Ценят ещё мастерство...

Но охотник отказывался. Потому что за девку можно получить намного, намного больше. Если, конечно, знать, кому сбыть товар. Верд знал. Поэтому шёл,

споря с непогодой и собственными продрогшими членами.

Позади мерцали огоньки удаляющейся деревни. Точно светлячки на болоте, обманом зазывающие в трясину. Ох, как же заманчиво развернуться и постучать в одно из окошек! Да хоть бы и в окошко беззубой карги! Она, конечно, затребует последние монеты, что остались в кошеле, но зато у неё жарко натоплено и небось ещё не убрано тяжёлое кусачее одеяло.

Но Верд не оборачивался. Он шёл вперёд. Туда, где нереально, сказочно подрагивала жёлтая точка. Поди догадайся, не голодный ли хищник наблюдает с кромки леса. А может, и вовсе ничего нет: так, игра усталой головы, отражение огней деревни. Но если есть хоть один малюсенький шанс, охотник не отступится. Потому что охотники не умеют отступать.

Когда Верд добрёл до маленького покосившегося домика и стукнул в дверь, он понимал, что обратный путь к селению закончится где-нибудь в сугробе. А ещё он понимал, что, если пришёл правильно и открывает ему та самая одинокая колдунья, она нипочём не впустит рослого, изуродованного шрамами и сурового мужика внутрь.

— Батюшки! Вы, господин, никак, решили снеговиком заделаться?!

Девка отворила сразу, не спросив, кто и зачем, не прикрыв бесстыдно распущенный ворот платья и не собрав гуляющих на ветру и абсолютно белых как снег волос. Смелая. Или правда дурная?

— Ты, что ли, колдунья? — начал Верд злее, чем полагалось. Объясняйся тут ещё, просись, доказывай, что не худой человек, ври.

— Вы заходите, господин, заходите! Подумать страшно, что вы себе отморозить успели в эдакую непогоду!

И втащила его внутрь.

Охотник не стал противиться. С наслаждением вытряхнул снег из всех мест, куда его, по идее, и занести не должно было, скинул и пристроил под лавкой у печи сапоги, развесил плащ и расстегнул куртку.

— Не боишься?

Усевшись, вытянул ноги, впервые за долгие недели позволив себе по-настоящему расслабиться. Он нашёл её. Нашёл! Тех, кто обладает даром, ни с кем не спутать, и метки не нужны! Тонкая, бледная, почти прозрачная, растрёпанная и лёгкая, как снежинка. Таких не встретишь среди простых людей.

Девка отняла у Верда рукавицы, чтобы подцепить горячий чугунок, перенесла его на стол, всё ж таки ошпарившись по пути, и затрясла пригоршней.

— Чего бояться прикажете?

Охотник хрустнул шеей, размял плечи, едва не застонав от удовольствия.

— Меня, к примеру. Ну как убийца к тебе пожаловал? Вор, душегуб? — постарался Верд вспомнить все нелестные слова, которыми одарила его давешняя старуха.

Хозяюшка звонко рассмеялась, проскакала, как воробышек какой, едва касаясь половиц босыми ступнями, и плюхнулась рядом, без малейшего страха заглядывая чужаку в глаза. Дурашливо протянула ручку:

— Я Талла. А вы, дяденька, душегуб?

Верд ошалело пожал ладошку, утонувшую в его смуглой лапе. «Дяденька»! Намного ли он старше

наивной девчушки, покамест не успевшей обжечься о жизнь? На пять лет? Десять? Зато поседел и нажил шрамов как на коже, так и на душе. Вот тебе и «дяденька»...

— Верд. Хотя и душегуб тоже. Временами. Но не сегодня.

— Вот и чудненько. Вечерять будем?

Не таясь, она выложила всю снедь, какая нашлась. Пока Талла ловко орудовала ложкой, раскладывая горячую, только из печи, кашу и разливая ароматный кисель, Верд поглаживал наверхие меча. Что мешает тюкнуть колдунью чуть ниже затылка, подхватить обмякшее невесомое тельце, перекинуть через плечо — и поминай как звали. Ни спрашивать не придётся, ни уговаривать. Знай себе вези по дороге, примотав к седлу, да еду изредка впихивай сквозь плотно сжатые зубы, чтобы вконец не отошала. Охотнику не первой, так чего церемониться?

Талла придвинула тарелку и вложила в задумчиво расслабленные пальцы грубо стёсанную деревянную поварешку. Мужчина недоумённо уставился на неё, поднял её к глазам, точно забыл, как держать, целиком закрыл половником суетящуюся фигурку.

— Дура ты, — сообщил он колдунье.

Та невольно среагировала и тут же смутилась:

— Сам дурак! Ой, дяденька, вы чего обзываетесь?

— Какой я тебе дяденька! — вспылil Верд, плюхнув поварёшку на горку кушанья. — Явился к ночи незнакомый страшный мужик, в избу ввалился, а ты его потчевать вздумала? Ну как злодей какой?

Талла отхлебнула из своей кружки, подержала кисель во рту, с усилием проглотила.

— Но вы же сказали, что не душегуб, — искренне удивилась она.

— Я мог соврать!

— А врать, — дурная подняла кверху бледный палец, — нехорошо!

Ну чисто дитё малое! Помнится, бабка говорила, что колдунье замуж пора. Какое замуж, когда девка-дура перед самым носом опасности не разглядит? Как до своих-то лет с таким норовом дожила, и то непонятно!

— Да и что бы, интересно, я сделала, окажись вы худым человеком? В сугроб бы сиганула? Закричала? Неужто я такая глупая, что надеялась бы на защиту этих вот стен? — Дурная колупнула ногтем брёвнышко, и от того сразу отстала щепка. — И двери не лучше, — приснула, как с хорошей шутки.

Верду ничего не стоило огреть её рукоятью меча, вернуться в деревню за лошадью да отправиться в путь. Такую доверчивую дурочку несложно доставить до места. Это не царапучая тяжеловесная тётка, которую он продавал в прошлый раз. Талла не попытается сбежать на привале, не станет упрямиться, отказываться от пищи и кусаться. Рыдать разве что начнёт. Но Верда давно уже не проймёшь горькими слезами.

Но то утром. Сейчас, как бы ни хотелось поставить девке ум на место доброй оплеухой, буяннить не дело. Он отдохнёт да отоспится, а там видно будет. В конце концов, колдунья может поехать и добровольно.

Мужчина долго тщательно пережёвывал кашу, всматриваясь в затухающие угли в печи. Натопила хозяйка знатно: его уже сладко разморило, а трещав-

шие от мороза кости в кои-то веки перестали болеть. Необычайная благодать напала на Верда. Она, и только она заставила его рискнуть:

— Давно ты живёшь здесь, Талла?

Она поправила соскользнувший плащ, чтобы скорее просох, надела на рога ухвата рукавицы путника и аккуратно пристроила к печному боку, чтобы не задымились.

— Давненько. Почитай, сколько себя помню. Мне эта деревня — дом родной, здесь выросла, здесь, видно, и помру.

Охотник засучил рукава, обнажая исчёрканные рубцами предплечья. Снять бы ещё плотные повязки с ладоней, дать подышать жгучим меткам, но рано. Напугается ещё колдунья, не станет вести разговоров.

— И что же, нравится?

— А как иначе? Меня здесь приняли, не погнали. Иногда помочь зовут, ежели у кого недуг или корова околеть грозитя. За просто так кормят-поят...

За просто так? Вот же доверчивая девица! В городах за колдовство такую цену ломают, что не всякому по карману! Немудрено: кто ж станет рисковать шкурой за просто так? А эта небось всё селение на себе везёт да уверена, что это её приютили, а не выжимают почём зря!

— И никогда мир повидать не хотела? Платьев цветных поносить, дорогого сыру, заморских сладостей поесть? — котом замурлыкал Верд.

Глаза колдуньи засветились безоблачным зимним небом:

— Сладости... сладости — да. Мне позапрошлой весной проезжий купец подарил коробочку. Тесто

тонкое-тонкое, слоёв — не пересчитать. Мёдом пахнет, пряно... Я, правда, совсем немного попробовала. Надо же детишек угостить. А их набежало — тьма! Ну и растащили всё, пока я лошадь того купца лечила.

— Подарил, значит? Не заплатил за то, что ты клячу его, чуть не околевшую, с того света вытащила, а подарил?

Талла кивнула, не понимая, почему гость криво, жестоко ухмыляется.

— Дура ты всё-таки. И это я не обзываюсь, а общаю тебе новость. Собирай-ка вещи, колдунья. Нечего здесь делать. Думаешь, сильно тебя любят местные? Помогают без повода? А знаешь ли, в каком достатке живут такие, как ты? Те, кто лечит не запойных пьяниц, перебравших накануне, а торговцев, городничих, дворян? Разумеешь, как могут устроиться? Собирай пожитки. Тебя не похищать, тебя спасти от этих пиявок надо.

Верд не врал. Он вообще не слишком любил врать. Просто Талла пока не заслужила всей правды. Колдуньи действительно жили в достатке. По крайней мере, те из них, что не попадались шавкам короля. Когда магия становится вне закона, любые её крохи ценятся куда дороже золота. А охотник знал, с кем поторговаться.

Талла растерянно прижала к груди кружку с киселём:

— Куда? Разве меня ждут где?

— До ближайшего города доведу, а там посмотрим, — уклончиво ответил охотник.

— Как же я деревню брошу, дяденька? Тут дом родной, тут меня любят. Как оставить всё? — Она обвела рукой скудное убранство.

— Показать? — недобро понизил голос Верд, снова находя пальцами крестовину меча. Не стоило заводить речь с вечера. Теперь девка точно перепугается и даст дёру. А ехать в ночь да по метели никак нельзя, тем паче с бездыханной колдуньей, которая, не ровен час, околеет по пути.

Но тут в окно замолотили. Показалось, ветер кинул горсть снега, но нет. К грохоту прибавились крики:

— Талла! Талла, золотко!

Колдунья подскочила, метнулась распахнуть двери.

— Староста!

— Доченька, милая, выручай! — Мужик, не теряя времени, плюхнулся на колени. Густую чёрную бороду и огромные плечи запорошил снег, делая его похожим на одного из юродивых, что профессионально выпрашивают монетки близ монастырей и храмов. — Дана рожать вздумала! Не в срок, в пургу! За лекарем в соседнее село, как хошь, не успеть! Спасай, милая! На тебя одна надежда!

Колдунья схватила душегрею, набросила на хрупкие плечи прямо так, поверх лёгкого платья, и рванула на улицу. Староста сразу успокоился, подхватился.

— Стой! — Верд успел удержать девку за подол, когда та уже выскочила за порог, и втянул обратно. — Босой собралась?

Эдак впервые, чтобы товар так страстно желал себя угробить, прежде чем охотник доставит его к заказчику.

— Ой, и правда! — залиvisto рассмеялась девка, впрыгнула в валенки и припустила уже так, что проситель едва за ней поспевал.